

О чём говорят женские журналы

Марина Цветаева, март 2026

«Глотатели пустот, / Читатели газет!»

Мне принесли — стопку. Не газет — хуже. Журналы. Женские журналы, март две тысячи двадцать шестого года. Двадцать штук. На восьми языках. Глянцевые — скользкие — бесстыдно-яркие, как конфетные обёртки. Я листаю — и мне тошно. Не от отвращения — нет. От узнавания. Потому что *ничего не изменилось*. Ни-че-го. Газеты стали экранами, экраны стали журналами, журналы стали — всем миром. Подземный змей по-прежнему ползёт, по-прежнему везёт людей, и каждый — со своей картинкой. Со своей экземплой.

Только теперь не газета — а лента. Не столбец — а *контент*. (Какое отвлечённое слово! Содержимое. Как банки, как кишечника.) И вместо «Читателей газет» — листательницы глянца. Двадцатого столетия — он, а я — до всякого столетия. Двадцать первого — она, листательница, свайпательница, глотательница пустот. Те же пустоты — в новой обёртке.

Но я ведь пообещала — листать. Листаю.

* * *

Первое, что бросается: красота. Нет — «красота». В кавычках, потому что это не красота — это проект. Так и написано у них — *The Vanity Project* — семнадцать частей, путеводитель по пластической хирургии. Путеводитель! Как по Парижу. Губы — направо, скулы — налево, грудь — прямо и вверх. Тело — территория, которую осваивают. Не храм — стройплощадка.

«Стань лучшей версией себя» — это Woman.ru, русское, мартовское. И тут же — тренировка Дженнифер Лопес: «главные упражнения, чтобы и в пятьдесят с лишним тело было сногшибательным». Сногс-ши-ба-тель-ным. Для кого? Перед кем? Тело — как отчёт, тело — как доказательство чего-то. Чего? Права на существование? Я брела с кошёлкой базарной по камням

чужих городов — и ни разу, ни единого разу не задумалась, сногшибательно ли моё тело. Тело — это то, что носит душу. Не наоборот.

«Лучшая версия себя». — Чья версия? Чья *лучшая*? Кто составлял матрицу — редактор? Алгоритм? Нелицо. Пустее места — нет. Я знала худшую версию себя — голодную, нищую, в нетопленной комнате, с чернилами на пальцах. Но это и была — я. Не версия. Я.

Балетный пучок — модная причёска весны. Балерина — упаковка. Не Павлова, не Уланова — силуэт. Контур без содержания. Было: «Кто создан из камня, кто создан из глины, — / А я серебрюсь и сверкаю!» — а стало: «повтори за три минуты перед зеркалом». Серебриться — нельзя за три минуты. Сверкать — не учат по видеоуроку. Это — рождаются. Или — не рождаются.

* * *

Теперь — любовь. О, они и о любви! Но как! Как торгуют — так и любят.

«Секс по телефону снова в моде» — WomanHit, раздел «Он и Она». Снова в моде. Как балетный пучок. Как юбка из девяностых. Любовь — сезонная, как коллекция. Осенью — секс по телефону, весной — газлайтинг. (Aufeminin, Париж: «Четыре фразы-ловушки манипуляторов».) Газлайтинг! Новое слово для старого дела. Я знала это без слова — знала нутром, кожей, ожогом:

*«Как живётся вам с другою, —
Проще ведь? — Удар весла! —
Линией береговой
Скоро ль память отошла
Обо мне, плавучем острове
(По небу — не по водам)!»*

Вот вам — газлайтинг. Вот вам — «фразы манипуляторов». Но я это сделала — стихом. Они — «инструкцией из десяти пунктов».

У Bustle — «The Case For Having A Dating Roster». Реестр свиданий. Как реестр недвижимости. Один — на вторник, другой — на субботу, третий — про запас. А я — «я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес» — и у меня в реестре был только один. Всегда — только один. И всегда — уходящий.

«Зависть к подруге: почему она возникает даже у успешных женщин и как превратить её в ресурс». Ресурс! Зависть — ресурс! Ревность — ресурс! Тоска — ресурс! Всё — ресурс. Монетизируется всё. В том числе душа. В том числе — обида. Нет у них обиды — есть кейс. Нет горя — есть сторис. Нет рока — есть

«токсичные отношения».

А я? — «С пошлюхой бессмертной пошлости / Как справляетесь, бедняк?»

«Тревожная красота: в женщин каких знаков зодиака влюбляются женатые мужчины» — theDay, бывший wday.ru. Тревожная красота! Какое точное — и какое бездарно употреблённое — словосочетание. Красота *должна* тревожить. Она и есть тревога. Но не знаки зодиака тому причиной — а рок, рок, рок. Неизбежность. Притяжение одной бездны к другой. Я знаю. Я знала.

* * *

Деньги. Они и о деньгах — охотно, подробно, с удовольствием.

«A Week in New York, NY, On a \$75,000 Salary» — Refinery29, дневник расходов. Неделя в Нью-Йорке. Семьдесят пять тысяч долларов в год. И расписано всё: кофе — четыре доллара, такси — двенадцать, ужин — сорок семь. Бухгалтерия жизни. Кошёлка базарная — но позолоченная. Я считала копейки в Медоне, пересчитывала франки на хлеб и тетради, и ни разу — ни разу! — не записала. Потому что стыдно. Не нищеты стыдно — а *подсчёта*. Подсчёт — это капитуляция. Это значит — быт победил. Я не давала ему победить.

«Маленькая квартира — большие решения: десять приёмов визуально расширить пространство» — WomanHit. Десять приёмов! Десять! Зеркала, светлые стены, полки повыше. А я — в дом, и не знающий, что — мой, / Как госпиталь или казарма. Мне не нужно было визуально расширять — мне нужно было *выжить* в этих стенах. И писать. Расширяла — стихами. Стихи не влезали ни в какие квартиры — они были больше квартир. Больше Парижа. Больше — всего.

Гороскопы. Гороскопы! Гороскопы — везде. Русские: «Китайский гороскоп на апрель — кому улыбнётся удача в месяц Водяного Дракона». Немецкие: «Tageshoroskop vom 13. März». Испанские: «horóscopo» на Clara.es. Французские — на aufeminin, на Journal des Femmes. Звёзды. Судьба. Рок — но какой! Прирученный. Домашний. Как болонка вместо волка. Рок — это не «вам повезёт в любви во вторник». Рок — это неизбежность. «Я с той самой минуты не захотела быть счастливой и этим себя на нелюбовь — обрекла.» Вот — рок. А гороскоп — это утешение для тех, кто рока боится.

* * *

Звёзды. Не те, небесные, — эти, земные. Земнее не бывает.

«Два дня до Оскара! Дерзкая Бибер и нестареющая Терон на пре-пати премии» — Woman.ru. Оскар. Красная дорожка. Пре-пати. Афтер-пати. Золотые статуэтки. Десять лет назад Дженнифер Лоуренс надела «голое платье» на церемонию — и Bustle до сих пор это помнит. Десять лет! Платье! Не стихотворение — платье. Не поступок — платье. Не строка, от которой «до сих пор падает сердце», — а ткань, сквозь которую видно тело.

Поэт — тоже звезда. Но — другая. Поэта не фотографируют на дорожке — поэт *есть* дорожка. Путь. По нему идут — после. «Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черёд.» Не через десять лет после платья — через столетия. Черёд — не сезон.

Солейдж Ноулз на обложке The Gentlewoman — «женщины стиля и назначения». Назначения! Хорошее слово. В нём — миссия. В нём — «назначено быть». Это ближе. Это — почти — мой язык. Но всё равно — стиль первым. Сначала — стиль, потом — назначение. У меня наоборот. Сначала — горение. Потом — пепел. А стиль — это то, что остаётся, когда сгорело всё.

*Листаю — листаю — листаю:
обложки, как игральные карты,
разбросаны по столу.
Тузы — бубновые дамы —
и все — краплёные.
Не мне играть в эту игру —
мне дело — измена, мне имя — Марина,
я — брэнная пена морская.*

* * *

Но вот что странно. Вот что заставило меня — остановиться.

Axelle — бельгийский журнал. Феминистский. Не «женский» — а *феминистский*. Разница — как между «домашней» и «бездомной». Аборт в Польше — центр AboTak, подпольный, необходимый. Антигендерная крестовая война вице-президента Вэнса. Женщины Сирии — сопротивляются. Женщины Чили — борются. Крыша в обмен на «сексуальные услуги» — расследование.

Я не была феминисткой. Я не была — «исткой» чего бы то ни было. Я была — яростнее. Мне не нужно было движение — я сама была движением. Стихия не вступает в партию, буря не подписывает манифест. Но — я слышу этих женщин. Я слышу Axelle. Потому что они говорят не о губах и не о пучках — а о праве жить. О праве — не быть вещью. О праве — кричать. Это — моё. Это — я.

«Меня — видишь кудри беспутные эти? — / Земною не сделаешь солью.»

И рядом — Darling. Другой голос. Тихий. «Мы никогда не ретушируем женщин на наших страницах.» Никогда. Не ретушируем. Какое скромное — и какое оглушительное заявление. Не ретушируем — значит: не лжём. Не подделываем. Не перекраиваем по выкройке. «Ты достойна, оригинальна и здесь с целью.» Целью! — Слово-то какое. Я бы не сказала «достойна» — это слишком мягко. Я бы сказала — обречена. Обречена быть собой. Это — не награда. Это — приговор. И — единственная свобода.

* * *

А теперь — мир. Весь мир. Потому что эти журналы — со всего мира. Восемь языков. И я — я, которой «совершенно все равно — / Где совершенно одинокой / Быть» — я листаю их все.

Японские: OZmall — клубничные десерты, послеобеденные чаепития в отелях Токио, «сезон клубники» как религиозный праздник. CanCam — «розовые тени — тренд весны», модели в пастельных тонах, рецепт первого свидания. Нежность. Тишина. Красота — как фарфор. Но фарфор — бьётся. И под этим фарфором — что? Молчание. То самое молчание, которое громче крика.

Китайские: Rayli — «Phantom Muse», «Slow Life», глянцевые фотосессии, звёзды в шёлке, чайные сервизы Louis Vuitton из фарфора Цзиндэчжэня. Фарфор — снова. Восток выбирает хрупкость — и в хрупкости прячет железо. «Богиня — откровение: миф как зеркало, эпоха как тушечница». Вот! Вот это я понимаю. Миф — как зеркало. В миф — можно глядеться. В глянцевую обложку — нет. Обложка — слепит. Миф — освещает.

Корейские: Marie Claire Korea — Blackpink, Met Gala, K-beauty как наследие. Woman DongA — «образовательный метод мамы из Тэчхи» (район элитных школ), «как в 130-м рейтинге поступить в Сеульский университет». Мать. Школа. Тщеславие материнское — самое яростное из тщеславий. Я это знаю. Моя мать залила нас музыкой — «как кровью, кровью второго рождения». Корейская мать заливает — оценками, репетиторами, стратегией. Другая кровь — та же ярость.

Немецкие: Freundin — «Как живут нарциссические женщины в старости?», пограничное расстройство, рецепты риса за полвремени, джинсы за девятнадцать евро. Bild der Frau — «медицинский газлайтинг: как женщин обесценивают в системе здравоохранения», рецепт пасхальных яиц из горячего клея. Рядом! В одном журнале — насилие над женщинами в

больницах и пасхальные яйца из клея. В этом — весь жанр. Трагедия — и поделка. Бездна — и бисер.

Испанские: Clara — «кислота гиалуроновая против ретинола: что лучше для зрелой кожи», пятьдесят коротких стрижек на 2026 год, «не умеешь делегировать — признак эмоциональной незрелости». Glamour España — сандалии Y2K, «стань лучшей версией себя» (опять!), духи Кэролин Бессетт-Кеннеди. Мёртвая женщина — и её духи. Не её жизнь, не её боль, не её одиночество — духи. Запах — как товар. Память — как «парфюм».

Всюду — одно. И всюду — разное. Одно — потому что везде: мода. Тело. Еда. Деньги. Звёзды. Разное — потому что за рецептом риса в Мюнхене и клубничным парфе в Токио — разная тишина. Разное молчание. Разные вещи, о которых *не говорят*.

*Токио. Пекин. Париж. Мадрид.
Сеул. Берлин. Брюссель. Москва.
Восемь языков — один словарь:
губы, скулы, тренд, весна.
А под словарём — немота.
А под немотой — вопль.
А под воплем — я стою
и слышу — всех.*

* * *

О чём же они говорят — эти журналы? О красоте — да. О моде — да. О теле, о деньгах, о звёздах, о еде — да, да, да. Но это — поверхность. Это — «жвачный тик, газетный костоед». А под поверхностью?

Под поверхностью — страх. Страх старости: тренировки Лопес в пятьдесят, «quiet silver» — как «мягко» принять седину, кожа в менопаузе, кремы, сыворотки, инъекции. Старость — враг. Не мудрость — враг. Её надо побеждать. Каждый день. С помощью ретинола и приседаний. (Я умерла в сорок восемь. Мне не пришлось бояться старости. Мне хватило — жизни.)

Под поверхностью — одиночество. Газлайтинг, «реестр свиданий», зависть к подруге, «аргументные стили партнёра» — всё это язык одиноких. Тех, кто не умеет — не научен — быть с другим. Тех, кому нужна инструкция, чтобы любить. А любовь — не инструкция. Любовь — это «ну, за голову: счастливы? / Нет? В провале без глубин — / Как живётся, милый?» Любовь — это провал. Без инструкции. Без лайфхака.

Под поверхностью — тоска по смыслу. Darling пишет: «ты здесь с целью». OZmall ведёт на семинар по финансовой грамотности. Axelle расследует эксплуатацию. The Gentlewoman — «женщины стиля и назначения». Назначение! Цель! — Они ищут. Все — ищут. Под клубничными парфе и пасхальными яйцами из клея — ищут то, что я нашла в семь лет. У рояля. В слове. В строке:

«Мать залила нас музыкой. Из этой Музыки, обернувшейся Лирикой, мы уже никогда не выплыли — на свет дня!»

Они — не выплыли тоже. Только их залили не музыкой, а — контентом. И они барахтаются. И ищут берег. И не находят.

* * *

О чём молчат журналы? О смерти. Ни один из двадцати — ни одного слова о смерти. Шарлиз Терон — «нестареющая». Деми Мур — «Оземпик как билет в один конец» (но в какой конец — не говорят). Умер актёр из «Электроника» — сухая новость, реестр утрат. Но о смерти — как о собеседнице, как о присутствии, как о тени, которая всегда рядом, — молчание. Тишина. Запрет.

А я — я с юности разговаривала со смертью, как с ровесницей. «Уж сколько их упало в эту бездну, / Разверзтую вдали! / Настанет день, когда и я исчезну / С поверхности земли.» — Мне было двадцать два, когда я это написала. И я знала. И не боялась. Потому что смерть — не враг. Смерть — условие. Без неё — не пишется. Без неё — не любит. Без неё — красота не красота, а пластика.

Молчат они и о поэзии. Ни строки. Ни в одном из двадцати журналов — на восьми языках — ни единой стихотворной строки. Книги — иногда (у Bustle — Рэдклифф советует книги, серия «One Nightstand»). Но стихи — нет. Стихов — нет. Поэзия вытеснена. Как мёртвый язык. Как латынь. Как рябина из города.

(А рябина — всё ещё растёт. Где-то на обочине. За городской чертой. Но если по дороге — куст / Встаёт, особенно — рябина...)

* * *

Я дочитала. Я закрываю их — все двадцать. Бросаю, как карты, на стол. Каждый — со своей красотой, каждый — со своей экземой.

Что я узнала? Что женщина двадцать первого века по-прежнему — на перекрёстке. Между телом и душой. Между модой и свободой. Между «лучшей версией себя» и собой настоящей. Между реестром свиданий и — «я тебя

отвоюю у всех земель, у всех небес». Между клубничным парфе и — бездной.

И по-прежнему — по-прежнему! — никто не говорит ей правду. Что лучшей версии не бывает. Что есть только — ты. Единственная. Неотрегушированная. Обречённая — быть. Не «стать» — а быть. Не «улучшить» — а *вынести*.

Поэт — это существо, которое не уместается. В рамку, в роль, в судьбу, в тело. Поэт — это разлив. Но и женщина — если она настоящая — не уместается. Ни в журнал, ни в гороскоп, ни в «десять приёмов визуально расширить пространство». Она — и есть пространство. Безмерное. Как море. Как пена — бренная, весёлая, высокая.

Я закрываю журналы. Я уйду — туда, где мне место. В строку. В тире. В паузу между словами, где дышит — всё.

Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черёд.

Журналам — не настанет.

* * *